

До революции жизнь монастыря и села находилась в постоянной взаимосвязи. Позже, и особенно после упразднения обители, эти связи значительно ослабели, но не были утрачены до конца. Стены святой обители всегда привлекали сердца людей своим величием к Небу, к Богу. Послереволюционное восстановление страны, беды Великой Отечественной войны и возрождение по ее окончании — все это коснулось села и его жителей, которые были сопричастниками всех горестей и радостей народа. Перестройка, принесшая серьезнейший ущерб государству и его экономике, все же не смогла разрушить хозяйственную жизнь села Посольское. Деятельность его основного предприятия — Кабанского рыбозавода — не была приостановлена, и сегодня оно является одним из лучших в Бурятии. Но жизнь без веры не может дать человеку полноты жизни и радости. И возрождение Посольского монастыря сегодня все больше обращает взоры жителей села и всей Бурятии к этой великой святыне, к православной вере, к Богу. И мы верим, что начавшийся рассвет духовной, хозяйственной и нравственной жизни будет происходить в единстве Спасо-Преображенского монастыря и всех жителей села Посольское.

Литература

1. Духовная летопись Забайкалья. — Чита: Читинская и Забайкальская епархия, 2009. — С. 31–36.
2. Демин Э. В. Посольский монастырь на Байкале. Исторические материалы. — Улан-Удэ, 2002. — С. 10–17.

УДК 2-9(571.54)

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-185-193

ИДЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

© **Зинаида Егоровна Цыренова**

доктор исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет

В статье рассматривается традиционная культура автохтонов Восточной Сибири в один из самых противоречивых периодов российской истории — советский. Культура, языковое пространство, религия, искусство обоснованно признаются средоточием и яркими формами воплощения национального своеобразия. В период советского строительства в многонациональной России была сделана попытка сохранения и развития традиционной культуры этносов нашей страны, в том числе аборигенов Восточной Сибири. Произошли колоссальные изменения в их культурной, духовной сферах, трансформация традиционного хозяйствования народов региона. Статья посвящена изучению этих сложнейших противоречивых проблем. В ней анализируются этнокультурные процессы через призму национальной политики партийных и государственных структур в советский период, взаимодействие с культурами других народов СССР. Выяс-

няется содержание советской социалистической культуры (как общегосударственной).

Ключевые слова: традиционная культура, языковое и религиозное пространство, трансформация культурной и духовной сфер в советский период.

IDEOLOGY AND RELIGION IN SOVIET PERIOD

Zinaida Tsyrenova

Doctor of Historical Sciences, associate professor, Buryat State University

In the focus of the paper is the traditional culture of the indigenous peoples of East Siberia in the pivotal time of the history of Russia, i.e. Soviet modernization. Culture, linguistic area, religion, art are recognized to be the concentration and embodiment of national peculiarity. In the period of Soviet modernization, an attempt to preserve and transform the traditional culture of the peoples, including indigenous peoples of East Siberia. In the period in question a serious transformations of the traditional economy of the region, as well as cultural and spiritual spheres have taken place. This paper explores these complex transformations. The author analyzes the ethno-cultural processes through the prism of national policy conducted by the Party and governmental bodies. Special attention is paid to the contents of the Soviet socialist culture and its interaction with traditional forms of culture of the peoples of the USSR.

Keywords: traditional Culture, linguistic and religious space, the transformation of the cultural and spiritual spheres in the Soviet period.

Традиционная культура — часть общего понятия культуры, совокупность культурных форм и явлений (орудий, бытовых предметов, норм поведения, обиходных понятий, психического и мировоззренческого комплекса), сложившихся в доиндустриальную эпоху и несущих на себе отчетливую печать локальной и этнической специфики [1, с. 3]. Можно сказать, что вне традиции человеческая психика, а значит и культура, вообще не могла бы эволюционировать. Любая целесообразная деятельность включает в себя механизм повторения и передачи от одной особи к другой. Простейшие привычки, трудовые навыки играли решающую роль в процессе антропогенеза, превращаясь постепенно из индивидуальных и групповых воспроизводимых форм труда в традиционные виды деятельности, формирующие и дифференцирующие социальные общности.

Культурно-психологические традиции аккумулировали в себе знания и опыт относительно психики вообще и особенностей ее проявления во всех ситуациях. В каждую историческую эпоху имелся свой ограниченный набор тонких ситуаций, которые являлись опорными для формирования и проявления культурно-психологических традиций. Отбор таких ситуаций происходил в соответствии с преобладающими видами производственно-хозяйственной деятельности. Так, мы уже отмечали, что различаются культурно-психологические традиции кочевников-скотоводов и земледельцев. Наибольшей устойчивостью и консерватизмом отличались культурно-

психологические традиции, связанные с религиозными формами общественного сознания.

Традиционной религией бурят, эвенков, тувинцев и хакасов был шаманизм, в котором, с одной стороны, к началу XX века усилился кризис, начавшийся еще во времена царизма, а с другой — происходило пополнение числа шаманов и возрождение местных языческих культов. Подобная парадоксальная ситуация сложилась вследствие отхода от христианства ранее крещеных бурят и эвенков, которые после провозглашения советской властью свободы совести, лишения православной церкви господствующего положения и прекращения миссионерской деятельности пожелали вернуться к своим традиционным мировоззренческим корням. Тем более что шаманы проявляли определенную гибкость к новой власти, формировали «новые правила» культа, удешевляли обряды, шли навстречу беднякам, «приспосабливались» к советской власти, молясь за нее и здоровье ее деятелей [2, с. 14]. Более того, в этот период представители бурятской интеллигенции (Базар Барадин, Солбонэ Туя) провозглашали шаманов носителями национальной культуры, собственно хранителями богатства и красоты бурятского языка и фольклора. И при создании новой культуры предлагали использовать шаманское наследие наравне с литературой, философией и искусством монорелигии — ламаизма [3, с. 153].

Необходимо отметить, что декреты советского правительства затронули в первую очередь православную церковь. Так, в соответствии с Декретом о земле началась передача монастырских, церковных земель и лесов трудовому народу. Провозглашение свободы совести и равенства всех вероисповеданий, отделение школы от церкви, передача ведения актов гражданского состояния в ведение местных властей, отмена церковной собственности, лишение церкви каких-либо государственных преимуществ и субсидий — все это обеспечило государственно-правовые условия для подрыва устоев православной церкви и развертывания широкой атеистической пропаганды. Специальных постановлений о буддийских и ламаистских дацанах издано не было. При отсутствии пристального внимания со стороны новой власти, при поддержке национальной интеллигенции служители ламаизма расширяли сферу своего влияния, особенно в западных аймаках, где количество дацанов (дуганов) увеличилось с 34 до 44 (в Унге, Алятах, Мурине, на Ольхоне и других местах). К примеру, ко времени образования БМАССР на ее территории действовали 44 дацана (дугана), 211 православных храмов, 81 старообрядческий молельный дом, 7 синагог, 6 мечетей, 1 костел, 5 баптистских общин. В 73 религиозных школах (при дацанах и церквях) обучалось 4 тысячи учащихся, служило более 9 тысяч лам [3, с. 152].

Однако в самом ламаизме происходили неоднозначные события. Одни исследователи считали это острым кризисом [3, с. 152], другие — обновленческим движением периода буржуазно-демократического этапа революции [4, с. 84]. Глубокое изучение проблемы подводит к определенным выводам. В начале XX в. в Бурятии активизировалось религиозное преобразование, суть которого заключалась в ревизии учения по ранним канонам буддизма и ламаистских храмов. Это касалось дисциплинарного кодекса поведения мо-

нахов (упорядочения обрядов, церемоний, усовершенствования проповедей) и реорганизации административной системы.

Бурятские просветители-реформаторы А. Доржиев, Ц. Жамцарано, Б. Барадин исходили из принципа необходимости обращения к раннему учению буддизма как наиболее верному в философском и этическом плане. «Буддизм является философским учением, идеал которого — достижение человеком познания относительности всего бытия», — писал Базар Барадин. «Вообще же истинные ламы, — продолжал Барадин, — это носители грамотности и национальной духовной культуры. Они являются духовенством в европейском смысле слова, то есть они не священники для удовлетворения религиозных потребностей населения, не монахи, не служители культа с определенным долгом служения, необходимой подготовкой, а просто ортодоксальные буддисты, которые хотят сами стать Буддой и достичь нирваны путем неуклонного исполнения определенного минимума обетов и запрещений» [4, с. 229].

Традиционно буддизм считался религиозной практикой спасения, а осмысление буддизма как философской системы позволило идеологизировать данное учение и тем самым создать различные теории общественного развития, базирующиеся на религиозно-нравственных принципах. Философизация буддизма привела к тому, что учение буддизма из религии становится идеологией, которая объединяет местную интеллигенцию в национально-освободительном движении. Данная реформация явилась исторически обусловленным процессом, так как Бурятия, Хакасия, Тува были вовлечены в единую круговерть мировой истории XIX — начала XX в. с ее революционными, преобразующими событиями и в области политики и экономики, и в духовной сфере. В этнокультурном и религиозном плане данные территории являлись неотъемлемой частицей буддийского мира. Следующим закономерным фактором реформации стала включенность всех наций и народностей, иногда в опосредованной форме, в единый исторический процесс развития на уровне базисных изменений производительных сил. Развитие и становление капитализма вели к социализации общества, что сказывалось на духовном, культурном облике общества автохтонов. К сожалению, развитие буддизма как комплекса научных знаний и этического учения личного совершенствования было прервано антирелигиозной деятельностью советской власти.

В первый же год существования Бурят-Монгольской АССР, 10 октября 1923 г., было проведено объединенное заседание бюро обкома РКП(б) и Бурревкома, на котором рассматривались вопросы усиления атеистической работы среди бурятского, русского православного и старообрядческого населения [5]. 23 октября 1923 г. состоялось закрытое заседание Президиума Бурят-Монгольского бюро РКП(б), на котором выступил М. Ербанов с докладом «О ламском духовенстве». Результатом обсуждения явилось постановление, в котором отмечалось, что «борьба с ламством должна вестись со всей энергией и всеми средствами и методами, какими обладает советская власть и компартия, но, принимая во внимание положение Бурятии как культурно-политического буфера между СССР и Дальним Востоком, необходимо... подойти к делу с особенной чуткостью и осторожностью политического такта».

По этому же постановлению запрещался прием в хуваки до 18 лет, а борьба с данным явлением должна была вестись «путем скорейшего введения всеобщего образовательного обучения, развития школьной сети, доступной для детей беднейшего класса населения, и путем антиклерикальной и антирелигиозной пропаганды...». Кроме того, признавалось «недопустимым открытие в дацанах каких бы то ни было школ советского типа во избежание того, что хуварачество может еще более усилиться», «и с учетом специфики монастырской жизни лам» [6].

Подобные меры новой власти вызвали ответную реакцию бурятских просветителей, интеллигенции. Ярким примером является письмо Агвана Доржиева в Наркомат иностранных дел СССР с предложением пересмотреть положение о буддийской конфессии: «В Бурятской республике и Калмыцкой автономной области некоторые декреты и антирелигиозная пропаганда вызывают большое смущение в простом народе; народ, благоговейный к своей религии, учению Будды, ценящий ее выше своей жизни, тоскует и горюет, опасаясь в недалеком будущем видеть полное падение своей религии... У них создается определенное впечатление, что советское правительство заняло враждебную позицию по отношению к буддизму... Я убежден в том, что в случае прекращения нежелательных явлений антирелигиозной пропаганды и отмены постановлений, препятствующих буддизму, умы всех отвратившихся опять обратятся к Советской России» [7].

По мнению большинства исследователей, подобные факты были характерны для периода колониального закрепощения Индии Англией, тогда религия буддизма (индуизма) стала восприниматься «как неотъемлемая часть политической культуры, политической идеологии и политического поведения, а религиозные интересы выступают как интересы политические» [8, с. 26], то есть религия превращается в идеологию.

Интеллигенция из среды коренных народов не только боялась колониального закрепощения своего народа, но и осознавала необходимость усвоения и распространения европейской культуры как залога прогресса для своего народа, видя в ней воплощение достижений человеческого разума. Таким образом, постепенно формируется идеология антиколониального национализма, органической частью которой становится идея о необходимости соединения культуры Запада с духовной культурой Востока. Вот почему далее в своем письме Агван Доржиев предлагает пересмотреть положение о буддийском духовенстве: «Удаление и очищение монастырей административными мерами от всех тунеядствующих монахов, не соблюдающих ни постановления духовного собора и ни основных правил строгой монашеской жизни, изложенных в известном учении Будды «Винаи», будут только приветствоваться большинством трудового населения и той частью духовенства, которая, подчиняясь постановлениям духовного собора, организовалась в отдельные трудовые общины с целью не эксплуатировать чужой труд. По отношению к этой части духовенства местные власти должны соблюдать благожелательный нейтралитет. Другая часть духовенства должна быть удалена из монастырей...».

На основании вышеуказанного через посредство Наркома иностранных дел прошу высшие партийные и советские органы власти СССР: 1. Преподать местным властям БМАССР, национальным областям инструкцию о прекращении принудительного выселения из монастырей лам без разбора их качественного состава. 2. Разрешить буддийским монастырям продолжить принятие лиц, не достигших 18 лет, по просьбе их родителей или их самих для обучения тибетской грамоте и вероучению, но с обязательством одновременного прохождения нормального курса школ первой ступени, открываемых при монастырях за их счет и находящихся под прямым контролем и наблюдением местных органов народного образования. По окончании этих школ и по достижении 18 лет молодые люди могут свободно избрать дальнейший путь жизни.

Такой компромисс вызывается не только прочно укоренившейся в сознании населения традиционной системой вероисповедания, но и, главным образом, самими основами северного буддизма, господствующего ныне в Тибете, Монголии и некоторых частях Северного Китая. Отказ в таком компромиссе население, безусловно, будет расценивать как ограничение свободы вероисповедания» [9].

Ответным шагом власти явилось издание постановления ЦИК и СНК республики о проведении в жизнь Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви по отношению к буддийско-ламаистской церкви». По этому документу ламаистская церковь юридически была отнесена к категории частного общества, имеющего своей целью удовлетворение религиозных потребностей своих членов; это общество объединяло верующих мирян, которые пользуются культовым имуществом и по своему усмотрению нанимают или увольняют служителей культа для обслуживания своих религиозных потребностей; вся собственность дацанов переходила к государству, а государство по соглашению с религиозными обществами передает им в пользование храмы и предметы культа для отправления религиозного ритуала. Были запрещены посвящение в духовное звание, обучение религиозному культу, прием в ламскую общину лиц, не достигших 18-летнего возраста. В феврале 1927 г. было принято постановление о правах лам на землепользование [3, с. 154–155].

Таким образом, реализация декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, национализация дацанских и ламских земель, налоговая политика по отношению к духовенству и другие атеистические мероприятия подорвали социально-экономическое и политическое положение дацанов и ламства региона, происходит массовый отход верующих от духовенства.

Новая власть все больше заботится о развитии и проникновении своей идеологии — марксистско-ленинского мировоззрения. В русле этого атеистическая пропаганда в республике привела к созданию Союза воинствующих безбожников (1925 г.) [3, с. 156], который стал проводить открытые диспуты с религиозными служителями по вопросам религии и атеизма. По поводу одного диспута на тему «Буддизм и коммунизм» (1928 г.) философ-геолог Агван Доржиев отметил: «Наши ламы не сумели защитить свою религию и потерпели поражение» [10]. В пропаганде антирелигиозных знаний широко использовались

общественно-политическая литература, газеты, журналы, художественная литература и искусство. Получила размах художественная самодеятельность. На сценических площадках ставили спектакли, где критически и сатирически изображали ламство и шаманство. На антирелигиозные темы писали А. Шадаев, К. Хадаханэ, Абгайн Тургэн (Сергей Балдаев), Д.-Р. Намжилон, Х. Намсараев, В. н8Кобяков, А. Платонов, Н. Тарабукин и другие.

В селах и городах атеистическая работа проводилась в форме «комсомольского рождества», антипасхальных выступлений, митингов, демонстраций, карнавальных шествий, где звучали песни и частушки, новые поговорки и пословицы, которые еще более подрывали авторитет служителей разных конфессий, при этом оскорбляли чувства верующих. К концу 1920-х годов у бурят, эвенков и других народов заметно сократилось число молебнов, общественных пожертвований — тайлганов, прекратились посвящения в шаманы; коллективное шаманство (*найгуры*) наблюдалось все реже, не охватывая большой круг улусов, характерный до революции; почти вышли из употребления бубны, шаманские костюмы и некоторые другие предметы культа.

Начавшаяся коллективизация, все больше подрывавшая устои сельской жизни, раскулачивание, репрессии окончательно разрушали традиционные устои народов Сибири, в том числе коренных — бурят, эвенков, хакасов, тувинцев. К концу 1920-х годов сократилось число православных, иудейских, буддийских, мусульманских объединений. Определенную роль сыграли советские праздники, возникшие в противовес религиозным. В бурятских улусах вместо тайлганов и обо проводились годовщина образования БМАССР, сурхарбаны наряду с массовыми культурными и спортивными мероприятиями, народными гуляниями. Часто праздники завершали антирелигиозными митингами. В ряде аймаков праздник Сагаалган (Новый год по лунному календарю) заменялся социалистическим воскресником. Возникали колхозные производственно-бытовые праздники, связанные с циклом земледельческих работ. Начиная с 1920-х годов получили распространение «красные свадьбы», октябрины, похороны по-революционному, проводившиеся в противовес традиционным обрядам, которые были неразрывно связаны с религией.

В Туве монастырские хозяйства (чыза) не подвергались конфискации и жестким преследованиям, но простые араты резко сократили снабжение дацанов продовольствием, топливом и перестали бесплатно работать на них. В результате ламы уходили из них и оставляли скот, землю без надзора. К концу 1931 г. остался только один дацан с 15 ламами. В целях сохранения монастырского скота от гибели и расхищения правительство Тувы организовало передачу монастырского скота на договорных началах аратам на выпас, позже был передан в их личную собственность [11].

К середине 1930-х годов, к примеру, на территории Бурятии действовало 132 молитвенных здания, в том числе православных — 81, старообрядческих — 21, буддийских — 27. В дацанах не было ни одного хуварака, остались только ламы преклонного возраста и высших богословских разрядов. Число служителей культа составляло 1200 лам [12], большая часть — 1864 человека — была арестована, из них 968 — осуждены. К началу 1938 г. было арестовано 50 лам-эмчи (лекарей тибетской медицины) Ацагатского дацана,

все расстреляны. В ноябре 1937 г. был арестован выдающийся религиозный и общественный деятель Агван Доржиев, умерший в тюрьме.

В целом это было типичным для всего региона, и в результате проведенных атеистических мероприятий партийными организациями республики были подорваны социальные корни религии [3, с. 167]. Более того, по мнению некоторых исследователей, антирелигиозная деятельность советской власти привела к уничтожению одной из «тотальных» форм сознания в разгар ее становления [13, с. 64]. Это связано с тем, что в «традиционном мире» наиболее полно целостность социального бытия отражается в таких формах сознания, как национальное, религиозное и культурное, которые и получили обозначение как «тотальные». Дело в том, что в развивающемся обществе еще не произошла дифференциация форм общественного сознания, налицо синкретичность духовного содержания, в котором отсутствует четкое разделение светского и религиозного, индивидуального и коллективного, социального и духовного, это и придает религии устойчивость и сохраняет «тотальный» характер этого вида общественного сознания [14, с. 187–199]. В данном случае религия — это совокупность символов, на основе которых происходят общественная интеграция, зарождение культуры и передача из поколения в поколение ее ценностей. Это и подчеркивали национальные философы и интеллигенты периода буддийской реформации начала XX в. Проходившая в данном русле определенная идеологизация буддизма стремилась не к сохранению института церкви как таковой, а к сохранению религиозной традиции как оплота национальной культуры и самобытности народа. Именно эти ценные элементы духовного содержания коренных народов подрывались, но не были уничтожены советской властью. В годы войны духовная мощь и стойкость народов России держалась не только на вере в социализм и коммунизм, но и, скорее всего, сохраненной религиозности народов страны, в том числе коренных этносов Восточной Сибири.

Литература

1. Жуковская Н. Л. Категория и символика традиционной культуры монголов. — М.: Наука, 1988.
2. Байкальский И. Заметки о шаманстве // Атеист. — 1926. — № 1.
3. Очерки истории культуры Бурятии. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. — Т. 2. — С. 153.
4. Герасимова К. М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964.
5. НАРБ. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.
6. НАРБ. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 247. Л. 27.
7. НАРБ. Ф. Р-248 с. Оп. 1. Д. 86. Л. 20. Письмо было адресовано наркому иностранных дел СССР Г. В. Чичерину (24 апреля 1925 г.).
8. Полонская Л. Р. Религия в политической культуре Индии // Индия: Религия в политике и общественном сознании. — М., 1991.
9. НАРБ. Ф. Р-248 с. Оп. 1. Д. 92. Л. 17–18.
10. НАРБ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.
11. История Тувы. — М.: Наука, 1964. — С.137.
12. НАРБ. Ф. 248. Оп. 3. Д. 18. Л. 13, 23, 28, 29.

13. Аюшева А. Б. Религиозная реформация как фактор формирования идеологии национально-освободительного движения // Историческое, культурное и природное наследие (состояние, проблемы, трансляция). — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1996. — Вып. 1.

14. Общественная мысль развивающихся стран / под ред. Р. М. Авакова. — М.: Наука, 1988. — С. 187–199.

УДК 71:008(571.54)

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-193-197

ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ И МОНАСТЫРИ В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ БУРЯТИИ

© **Гуля Александровна Миронова**

кандидат культурологии, консультант, Министерство культуры Республики Бурятия

E-mail: udiana@mail.ru

В статье прослежены основные периоды изменения культурного ландшафта, с позиций ландшафтоведения рассматриваются основные признаки и смыслы культурного ландшафта, отмечается несколько характерных черт и примеров, касающихся каждого периода Бурятии в долгосрочном процессе изменения, модернизации территории края, что повлекло за собой изменение облика местности.

Особое место в изменении культурного ландшафта занимает продвижение православной культуры, которое выразилось в основании и строительстве церквей в городах и селениях Бурятии и в историческом прошлом, и в современной действительности.

Ключевые слова: ландшафт, смысл, монгольский мир, освоение, Сибирь, «государева дорога», поселения, города, буддизм, православие, храм, дацан, религиозный ландшафт.

ORTHODOX CHURCHES AND MONASTERIES IN THE CULTURAL LANDSCAPE OF BURYATIA

Gulia Mironova

PhD cultural studies, consultant, Ministry of Culture of Republic Buryatia

The paper traces the main periods of change in the cultural landscape, from the standpoint of landscape discusses the main characteristics and meanings of the cultural landscape, noted a few characteristics and examples of each period of Buryatia in the long process of change, of modernization of the region, which resulted in a change in the appearance of the countryside. A special place is occupied in changing the cultural landscape is the promotion of Orthodox culture, which is reflected in the temple construction, the base and the construction of churches in the towns and villages of Buryatia and in the historical past and contemporary reality.

Keywords: landscape, meaning, Mongolian peace, development, Siberia, «Tsar's road», settlements, cities, Buddhism, Orthodox, temple, temple, religious landscape.